

Глава 9

О немцах, Скоропадском и монархистах

В Киеве 15 июля 1918 года (за два дня до убийства в Екатеринбурге Августейшей семьи), с позволения немцев, открылся монархический съезд. Ни в Петрограде, ни в Москве такой съезд не мог быть проведен, там царствовали Ленин с Троцким. А в Киеве в июле собрались уже «вся Москва» и «весь Петроград», включая важных государственных чиновников — членов бывшей Государственной Думы и Государственного совета. И, хотя чуть более года назад большинство представителей русских элит с легкостью предало своего царя, сейчас к ним приходило осознание, что крах государства является и их личным крахом.

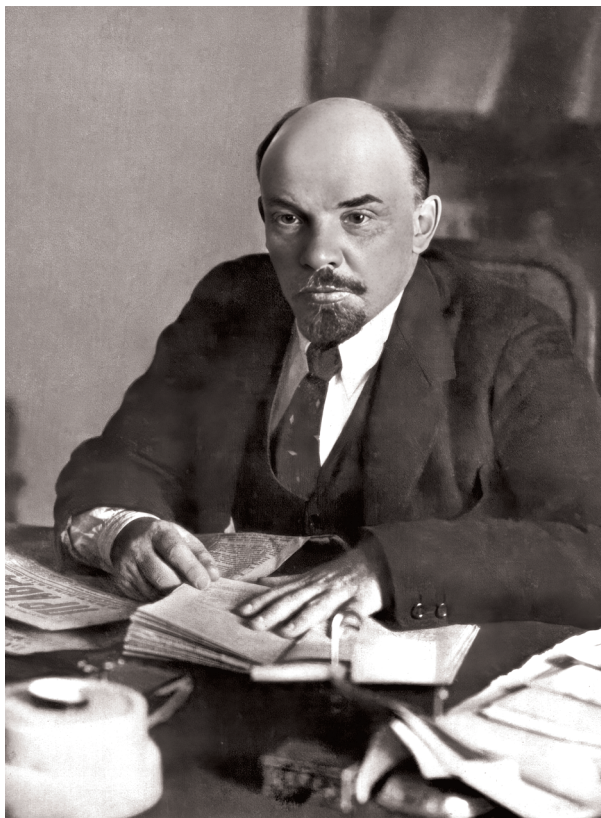
В первый послереволюционный период, в общем шуме и восторге, монархических организаций в России почти не было слышно. Затем они стали появляться, главным образом, в Ростове, но и в некоторых других местах — «Русское собрание», «Всероссийский монархический центр», «Военно-монархический союз», «Правый блок», «Монархический блок», «Всероссийский национальный союз», «За Россию» и др. В некоторых организациях, например в «Русском собрании», отношение к Временному правительству и выступавшему на его стороне Деникину было крайне отрицательным. Целью организаций было восстановление абсолютной монархии. Летом 1918 г. в Киеве обосновалось множество монархических организаций, и продолжали образовываться новые: союз «Наша Родина», «Совет

Император Николай II с семьей

государственного объединения России», отделения «Союза возрождения России» и проч. Члены этих организаций «...устраивали заседания, принимали резолюции, оказывали давление на гетмана, переписывались с Деникиным и друг с другом, на все лады обсуждали вопросы «организации власти», организовывали армии, даже устраивали заговоры против приютившего их гетмана. Но, сколь ни (...) разносторонне была эта деятельность, она напоминала лишь работу белки в колесе» [370].

В осуществлении своих мечтаний монархисты возлагали надежды в основном на Германию.

В. И. Ленин

Германский генерал Людендорф

Большинство из них не осознавало, что немцы и большевики неплохо сотрудничали. Лишь некоторым это было ясно:

«Странные союзники, Ленин и Людендорф, не обманывались относительно друг друга. Они были готовы пройти часть пути вместе к объединяющей их стремление цели — разрушения России», — писал в воспоминаниях вел. кн. Александр Михайлович [371]. (Он на монархическом съезде не присутствовал.)

Собравшиеся на съезд не могли предположить, что убийство Царя и членов Августейшей семьи произойдет как раз во время их заседаний и дебатов.

Свесны 1918-го в большевистской Москве находился в качестве германского посла граф Мирбах. Он имел влияние, и большевики прислушивались к его пожеланиям. «По просьбе Мирбаха царская семья была переведена из Тобольска в Екатеринбург», — писала в воспоминаниях

Ольга Палей, мorganатическая супруга великого князя Павла Александровича [372].

Почему немцы поддерживали, в том числе материально, русских монархистов? «...немецкие разговоры о монархии были главным образом средством к уловлению душ, средством переманить монархический элемент на свой немецкий берег, оторвав его от союзников», — писал В. В. Шульгин. Для русских монархистов восстановление монархии означало восстановление единства России. Но в планы немцев это не входило. Немцам нужны были послушные марионетки для управления завоеванной империей. У них были свои планы: «...немцы всегда рассматривали Россию как некую грозную возможность, смертельный удар которой можно нанести только расчленением ее на части и в особенности отторжением Юга России от Севера под видом образования «Украинского государства» [373].

Летом 1918-го немцы и большевики определенно делились друг с другом информацией относительно судьбы русского царя. При этом немцы, стараясь вызвать симпатии у бывшей российской элиты, делали вид, что хотят помочь Государю. Им нужно было, чтобы российская элита надеялась теперь на них, а не на Антанту. Действительно, на «союзников» у монархистов накопились обиды, ведь в критический момент английский король Георг V не стал помогать своему двоюродному брату, Николаю II, хотя изначально велось много разговоров о переезде Августейшей семьи в Англию.

Немцы пока окончательно не решили, как после окончательной победы Германии они будут управлять завоеванными землями. Некоторые их высокопоставленные лица считали, что все-российские земли следует просто присоединить к Германии. Такого мнения придерживалась группа во главе с бароном фон Муммом, дипломатическим советником при киевском военном командовании. Группа стояла за осуществление «Плана Рорбаха», который предусматривал включение Украины в план «Срединной Европы». Другие высокопоставленные деятели считали, что в России должно быть собственное управление, и для этого необходимо восстановление русской монархии, но под контролем Германии. Иными словами, стояли за создание еще одной (или нескольких) немецкой колонии, наподобие уже имеющейся «Скоропадии».

То, что немцы были в курсе того, какая судьба ждет Государя и Августейшую семью, будет видно при сопоставлении фактов, которые я сейчас приведу.

Незадолго до открытия монархического съезда в Киев прибыл граф Альвенслебен, бывший германский посол (в 1901–1905 гг.) в России. Сейчас он состоял при главнокомандующем фельдмаршале Эйхгорне. В Киеве ходили слухи, что на него возложены полномочия по спасению Государя. Князь Александр Николаевич Долгоруков рассказывал, как 5 или 6 июля 1918 года он был в гостях у Федора Николаевича Безака, киевского губернского предводителя дворянства, входившего в монархическую группу [374]. Туда явился Альвенслебен «со срочным известием» и сообщил, что германский император

Николай II и его брат, король Англии Георг V

Вильгельм желает спасти Государя и что в целях Его спасения Государь куда-то перевозится, а немцы потеряли Его след. В помощь этому мероприятию монархистам предлагалось срочно собрать деньги — 2 000 000 рублей, а также выделить шестерых русских офицеров для обнаружения места пребывания Государя, снабдив этих офицеров немецкими документами.

«Мне чувствовалось что-то странное, малопонятное логически в словах Альвенслебена, — вспоминал князь А. Н. Долгоруков. — Для чего нужно посылать на розыски Государя русских офицеров во враждебную Совдепию, когда немцы имели там свою громадную агентуру, свое официальное представительство в Москве в лице графа Мирбаха и свободно могли во всякую минуту иметь самые точные сведения о местопребывании Государя?» [375].

А дальше самое удивительное. Граф Альвенслебен предупредил собравшихся: «... между 16 и 20 июля (по новому стилю) распространится слух или известие об убийстве Государя; что слух этот или известие не должны будут нас беспокоить: как и слух об убийстве Государя, имевший место в июне, он будет ложный, но что он необходим в каких-то целях именно Его спасения» [376].

Князь Долгоруков четко указывал, что Альвенслебен называл дни «ложного убийства» — между 16 и 20 июля. Убийство Государя и семьи, как известно, произошло в ночь с 17 на 18 июля.

Безак и князь Долгоруков сразу пожертвовали сумму в 30 000 рублей. Граф Альвенслебен просил держать разговор с ним в секрете, а также просил,

когда придет известие об убийстве Государя, делать вид, что они, предводитель дворянства Безак и князь Долгоруков, этому известию верят.

18 или 19 июля 1918 года в газетах Киева появилось известие, что Государь расстрелян в Екатеринбурге, а семья куда-то вывезена. Инициатива убийства приписывалась местному уральскому совдепу. Князь Долгоруков поразился осведомленности немцев и почти точному указанию даты. Монархический съезд продолжался. Безак и князь Долгоруков чувствовали себя на нем затруднительно. В Киеве ходили слухи и пересуды, однако все же отслужили панихиду по Государю. Очевидцы вспоминали, что официально панихида была отменена, даже запрещена, но ее все-таки отслужили, с трудом найдя для этого священника. По воспоминаниям В. Н. Воейкова, позже, уже в сентябре, в Софийском соборе служил панихиду киевский митрополит Антоний (Храповицкий). На панихидах Скоропадского не было, «бывший кавалергард царя блистал своим отсутствием» [377]. Гетман распорядился отслужить панихиду «по рабу божьему Николаю» у себя во дворце. Присутствовавший на панихиде Альвенслебен «плакал». Князь Долгоруков и Безак были поражены его артистическими способностями. При встрече с князем Виктором Сергеевичем Кочубеем граф Альвенслебен вновь высказал надежду, что Государь жив. После этого, чтобы избежать неприятных вопросов, Альвенслебен уехал в Берлин.

Монархисты, заседавшие на съезде и собиравшие деньги на «розыски» Государя, поражали своей наивностью. Оценку их надеждам на восстановление в России монархии с помощью немцев дал в 1918 году В. В. Шульгин в статье «Клуб самоубийц»:

«...если Германия будет разбита, ей особенно нужна обессиленная Россия. (...) пусть ее честолюбивые замыслы временно оборвутся, все же основной вопрос останется: есть немецкий народ, которому тесно и который хочет пробиться на Восток. (...) Германия старается во что бы то ни стало, даже в случае своего поражения, удержать у себя на Востоке бессильную кашу народностей, которые в ее понимании будут представлять «Российские Соединенные Штаты». Что же надо сделать, чтобы в России, во всяком

случае, была республика? Немцы отлично это знают: для этого надо, чтобы Германия за полчаса до своей гибели восстановила русскую монархию, своими собственными немецкими руками. (...) Когда это делают немцы, мы это понимаем — это шанс на будущее. Но когда к ним присоединяются люди, искренне считающие себя русскими монархистами, приходится только разводиться руками. (...) Ужели не ясно, что лучший способ водворить в России республику или, вернее, ряд республик, это реставрировать русскую монархию немецкими руками? (...) Всякая политическая партия и всякое национальное течение, которые при настоящих обстоятельствах свяжут свою судьбу с Германией, обречены на смерть. Ужели это не очевидно еще и теперь? И когда мы читаем в газетах, что в Киеве образуется кружок членов Государственной Думы и Государственного совета, который проповедует восстановление монархии при помощи немцев, то у нас такое ощущение, что мы присутствуем при открытии «Клуба самоубийц» [378].

В. А. Маклаков летом 1918 года писал В. В. Шульгину:

«Я не знаю какое из двух несчастий для России было бы наиболее страшно — расчленение или же сохранение единства при условии полного подчинения Германии. Первое поставило бы вновь перед нами историческую проблему собирания разрозненных частей под знаком ненависти к Германии. Реставрация же, сделанная немцами, превратила бы Россию в германскую колонию, а царь стал бы послушным вассалом германского императора» [379].

Икона «Святые Царственные мученики»

Глава 10

Скоропадский, немцы и Белые армии

Весной-летом 1918 года Юг бывшей Российской империи представлял собой четыре образования, каждое из которых управлялось отдельно:

- 1) Украина, управляемая немцами через гетмана Скоропадского;
- 2) Крымское правительство в Симферополе;
- 3) Донская белогвардейская армия, позже переименованная во «Всевеликое войско Донское», с атаманом ген. П. Н. Красновым [380] во главе и с центром в Новочеркаске (П. Н. Краснов стал атаманом после того, как 29.01.1918 застрелился донской атаман генерал А. М. Каледин);
- 4) Добровольческая армия, основанная 25.12.1917 ген. М. В. Алексеевым (в свое время арестовавшим царя, а затем пытавшимся заглавить зло, им принесенное). Командующий — ген. Л. Г. Корнилов (погиб под Екатеринодаром 31.03 (13.04).1918), после него — ген. А. И. Деникин; он же с 26.12.1918 (08.01.1919) — Главнокомандующий ВСЮР (Вооруженных сил Юга России).

Предводители Добровольческой армии всячески пытались доказать союзникам, Антанте, что они верны союзническому долгу, которому при царе была верна Россия. Но для бывших «союзников» Россия, в которой пылала гражданская война, превращалась в объект совсем других интересов: «...и немцы, и французы, и англичане едут в Россию не для России, а для себя, чтобы урвать с нее, что возможно...», — писал П. Н. Краснов [381]. И с этим нельзя не согласиться. Антанта

А. И. Деникин

уже в декабре 1917 года не считала себя полноценной союзницей Белых армий. Пока шла война, Антанта готова была объединяться со всеми, кто мог воевать с германцами. «Союзники» налаживали отношения и с УНР (как помним, в декабре 1917-го в Центральную раду явились представители «союзников»), и с большевиками (недаром

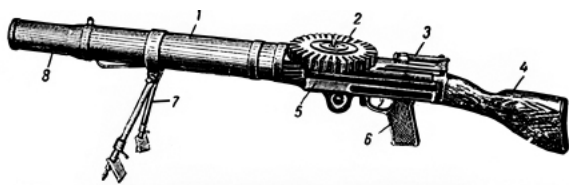

Рис. 140. Общий вид пулемёта Льюиса обр. 1915 г.: 1 — кожух; 2 — магазин; 3 — привод; 4 — прицел; 5 — ствольная коробка; 6 — рукоятка управления огнём; 7 — сошка; 8 — лотрубок

Ручной пулемет Льюиса
(иллюстрация из инструкции по эксплуатации пулемета)

военный атташе Франции Жак Садуль встречался с Лениным и Троцким).

После Брестского мира руководители Белого движения по-разному относились к оккупантам. Донской атаман ген. П. Н. Краснов активно сотрудничал с немцами, в то время как генерал А. И. Деникин брезговал общением с немцами и австрийцами, не признавал Брестский мир и продолжал возлагать надежды на Антанту.

Основные расхождения во взглядах у Краснова и Деникина сводились к следующему: атаман Краснов желал вовлечь Добровольческую армию, Кубань, Крым, Грузию, народы Северного Кавказа в объединение для борьбы с большевиками, но при этом считал, что каждое образование может сохранять свою самостоятельность и независимость. Такая раздробленность устраивала Краснова и вполне соответствовала немецким интересам. Деникин, напротив, исключал какую бы то ни было «независимость» российских территорий. Он считал, что борьбу с большевиками необходимо вести при объединении всех армий в одну, под общим командованием, не признавал самостоятельности Украины, Грузии, Терека, Крыма, Дона и Кубани. С точки зрения Деникина, лозунгом армии может быть только: «Единая неделимая Россия».

Атаман Краснов, наладив отношения с Киевом (с немцами и Скоропадским), получал от Украинской державы в обмен на зерно все необходимое для своей армии: боеприпасы, снаряжение и разные товары из Германии. Так, только в октябре 1918 года Всевеликое войско Донское получило 640 пулеметов Льюиса, 30 миллионов патронов к ним, 20 000 ручных гранат, около 10 миллионов 3-линейных патронов россыпью

и от 100 тысяч 3-дюймовых пушечных снарядов, а также кожу, продовольствие и т. д. Боеприпасы, как правило, поставлялись по распоряжению немцев с русских складов Екатеринославщины, заполненных еще при царе, при подготовке всеобщего наступления. Немецкая помощь способствовала укреплению Донской армии: если в мае 1918 года она насчитывала 17 тысяч сабель и штыков, то при содействии Скоропадского и немцев к концу 1918 года выросла до 45 тысяч и вытеснила советские войска с большей части территории Донской области.

Деникин, считая себя союзником Антанты, открыто провозглашал антигерманские лозунги. При таком положении дел рассчитывать на немецкую помощь он не мог. Однако помощь от Антанты была явно недостаточной, и Деникину хотелось получать оружие и боеприпасы, как их получал атаман Краснов, еще и от немцев. Приходилось идти на всякие хитрости: представитель Добровольческой армии генерал А. С. Лукомский просил атамана Краснова «под видом снабжения Дона» выпросить у Киева оружейные припасы для Деникина. Атаман Краснов просьбу выполнил, хотя его и возмущало, что Деникин, презиравший немцев, использовал его, атамана П. Н. Краснова, как посредника. «Да, да, господа! — восклицал Краснов. — Добровольческая армия чиста и безгрешна. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого

Русское трехдюймовое полевое орудие образца 1902 года

Генерал от артиллерии Н. И. Иванов, 1918 г.

Дона и чистенькими передаю Добрармии! Весь позор этого дела лежит на мне» [382].

В целом помощь была немалая: Деникину удалось получить от немцев через атамана Краснова треть всех поставляемых с Украины снарядов и четверть всех патронов [383]. Вместе с тем не стоит думать, что немцы, передавая оружие и боеприпасы Краснову и Деникину, желали им успеха. Герцог Г. Н. Лейхтенбергский вспоминал, что немцы в Батайске учредили заставу, которая не пропускала оружие для Белой армии на Кубань «дабы избежать нареканий со стороны большевиков в поддержке их противников» [384]. Немцы действовали так, чтобы всегда оставаться хозяевами положения и не дать укрепиться ни одной из русских сил — ни белым, ни красным, ни даже своей марионетке — Скоропадскому (ведь даже ему не позволили провести рекрутский набор, опасаясь, как бы гетман не вышел из-под контроля). Немцы не возражали, чтобы бывшее Российское государство слабело дальше и чтобы русские били друг друга как можно дольше.

Сейчас мало кто вспоминает, что, помимо упомянутых Белых армий, на Юге России должна

была воевать еще одна армия. Летом 1918 года под эгидой немцев, на их деньги и при участии крайне правых русских организаций в Киеве формировалась так называемая «монархическая» Южная армия. Кроме немцев, поощрявших ее комплектование и создание, на дело создания армии жертвовали деньги крупные земельные собственники. Курировала создание армии монархическая организация «Наша Родина», существовавшая на средства немцев и располагавшаяся в Киеве. Главные роли в ней принадлежали присяжному поверенному М. Е. Акацатову и герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому. Возглавить Южную добровольческую армию сначала предложили генералу графу Ф. А. Келлеру, известному своей преданностью царю. Но генерал граф Келлер от предложения отказался, как отказался и генерал князь А. Н. Долгоруков. Генералу от кавалерии Драгомирову предложили занять должность начштаба Южной армии, но и он отказался:

«Это немецкая затея! Это делается на немецкие деньги лишь для того, чтобы помешать работе Добровольческой армии. Эта армия создается не на пользу, а во вред России ее заклятыми врагами — немцами» [385]. С просьбой возглавить монархическую армию обращались и к великому князю Николаю Николаевичу, но и он отверг предложение, видя в нем явную авантюру (об этом пишет А. И. Деникин в «Очерках русской смуты»). В конце концов возглавить создаваемую армию уговорили бывшего главнокомандующего Юго-Западным фронтом, героя Львова и Перемышля, генерала от артиллерии Н. И. Иванова. Прославленный генерал являлся кавалером ордена Святого Георгия II степени, очень высокой награды (такой награды удостоились во время Первой мировой войны в русской армии всего четыре человека — ген. Н. Н. Юденич, ген. Н. В. Рузский, великий князь Николай Николаевич (младший) и ген. Н. И. Иванов. Отметим, что в русской армии лиц, награжденных орденом Св. Георгия I степени в Первую мировую войну, вообще не было.)

Прославленный генерал Н. И. Иванов, заслуживший ту высочайшую награду, уже не молодой, после развала армии пережил оскорбления от солдат, которых так любил. Ко времени создания монархической армии он уже очень ослабел,

но он «был знамя, к которому охотно шли офицеры» [386].

В Киеве идея создания монархической армии быстро стала весьма популярной. Появились офицеры, которые охотно в нее записывались. Когда армия попадет на фронт, было неизвестно, «...к ней выгодно было подписаться героям тыла, любителям воевать на Крещатики и на Подоле. Офицеры понадевали на себя погоны, нашли на рукава полоски бело-желто-черного цвета — «романовских» цветов — и двуглавые орлы, распевали по кафе «Боже, царя храни» и очень мало думали о спасении родины и о царе» [387].

Как часть Южной армии был сформирован Астраханский корпус числом около 3 тыс. пехоты и 1 тыс. конных. Возглавил его атаман Астраханского казачьего войска, калмыцкий князь Д. Тундутов (1888–1923), бывший в 1915 году личным адъютантом командующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича. Теперь приходилось сотрудничать с немцами, и он объявил себя «другом императора Вильгельма» [388]. При непосредственном участии Скоропадского была сформирована Русская народная армия из крестьян Саратовской губернии, преобразованная приказом донского атамана Краснова в Саратовский корпус Южной армии. Корпус насчитывал около 200 человек. В то время у большевиков были отвоеваны части Богучарского и Бобровского уездов Воронежской области, но в связи с тем, что донские казаки отказывались защищать эти территории, Краснов дал согласие на формирование на этих территориях Воронежского корпуса Южной армии. Таким образом, в создаваемую при помощи немцев монархическую Особую Южную армию генерала Н. И. Иванова вошли Воронежский, Астраханский и Саратовский корпуса. Впоследствии предполагалось каждый корпус развернуть в армию и создать Южный фронт, в который должна была влиться Донская армия, но этого не случилось.

Штаб Южной армии находился в Киеве. Но дело вербовки продолжалось и в других городах. В штаб стали поступать предложения от целых офицерских составов кавалерийских и пехотных полков бывшей царской армии, желавших со своими знаменами и штандартами, спасенными ими

в дни революции, а также при условии сохранения старых наименований их полков, войти в состав монархической армии [389].

Офицеры принимали решение поступить в монархическую армию, исходя из того, что добровольцы, Деникин воевали за «Единую неделимую», но не за царя, а за установление в России республики, за мифическое «Учредительное собрание», уже однажды разогнанное большевиками. Хотя официальной политикой белых было «не предрешение», то есть решение о том, какой должен быть строй в России (монархия или республика), откладывалось до созыва Учредительного собрания, на деле «завоевания революции» (февральской) в Белых армиях никто не собирался отменять, а о восстановлении монархии говорить было не принято. Периодически раздавались слабые голоса, говорившие, что без монархического лозунга в армии не обойтись, но ничего не менялось. Монархические знамена в армиях Деникина и Краснова не поднимались, имя царя было забыто, Государственный гимн не звучал, он был заменен Преображенским маршем. Лозунг «За Веру, Царя и Отечество» не проносился. Все Белое движение шло под лозунгом построения новой России и, как выразился Н. В. Краинский, «воплями, что к старому возврата нет». От старой русской армии оставались лишь императорские погоны. Да и с них, еще в марте 1917 года, генералы, предавшие царя, срывали вензеля. Многих офицеров, наблюдавших это, одолевала тоска по прославленной старой армии Российской империи, и они, узнав о появлении монархической Южной армии, покидали Деникина и переходили под знамена монархистов. Герцог Г. Н. Лейхтенбергский писал:

«Добровольческая армия осталась при своих туманных лозунгах, но продолжала дуться и сердиться на то, что лучшие офицеры вступали в ряды Южной, Астраханской, а позднее и Саратовской армий» [390].

Однако перед офицерами, направлявшимися под монархические знамена, вставала непреодолимая дилемма: с одной стороны, они сохраняли присягу, данную Государю, с другой — должны были, воюя с большевиками, опираться на помощь немцев, с которыми царская армия недавно воевала, и при этом им следовало

отвернуться от Антанты, то есть от бывших союзников царя, которым царь всегда был верен и с которыми до сих пор продолжала воевать Германия...

Немаловажным для поступающих в Южную армию было и то, что офицерам гарантировалось неплохое денежное довольствие.

Существовала еще одна причина, по которой оставшиеся в Киеве офицеры записывались в Южную армию: под конец царствования Скоропадского уехать из Киева к Деникину стало почти невозможно. Пытавшихся это сделать арестовывали по доносам «щирых» и сажали в тюрьмы как противников «Вильной Украины». Поэтому офицерам приходилось идти на хитрость — они записывались в Южную армию, а затем, вырвавшись из Киева и не доверяя немецкой затее, направлялись к Деникину.

Немцы, хотя и взялись финансировать монархическую армию, но оружия ей выделяли «в ничтожном количестве» [391]. При этом еще и оговаривалось, что если возникнут столкновения между немцами и Деникиным, то Южная армия ни в коем случае не должна будет становиться на сторону Деникина, а должна будет либо соблюдать нейтралитет, либо вообще расформироваться и вернуть немцам полученное от них оружие [392]. Появление монархической армии вносило разлад в офицерскую среду, что немцам и требовалось. Главной их задачей было раздробить, обескровить ВСЕ русские армии, сделать так, чтобы бывлой противник никогда не смог возродиться. Некоторым это было совершенно очевидно:

«...не подлежит сомнению, — говорил граф Келлер, — (...) что немцы преследуют ту же цель — разъединение офицерства» [393].

Таким образом, очевидно, что «...немцы играли с Украиной так, как кошка играет с мышью: то придавит, то даст побегать и насладиться иллюзией свободы, зорко следя в то же время, чтобы добыча не ушла от хищника-победителя» [394]. Подтверждением тому служит факт, что немцы одновременно с формированием Южной армии посылали своих офицеров-инструкторов в большевистские отряды. Глубинной целью оккупантов было: чтобы русские били друг друга как можно дольше.

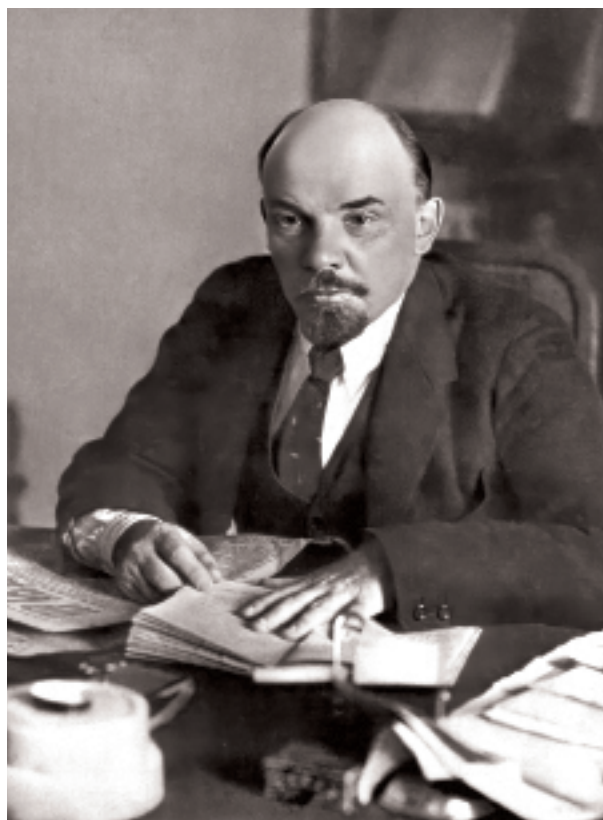
Однако незаметно наступила осень 1918 года,

и все стали понимать, что Германия проигрывает войну. Созданная при их помощи монархическая армия уже не могла сыграть серьезной роли. Общественной поддержки у нее не было: офицеров набрать удалось, а солдат — нет. Простой люд не шел служить в армию, созданную немцами, он все больше хотел верить в большевистские посулы.

В ноябре 1918-го, после объявления о проигрыше Германии, немцы продолжали оставаться в Киеве. И русские монархисты все еще сидели под крылышком у Скоропадского и немцев, не решаясь никого из них не критиковать:

«Сколь отрицательно ни относились к хохломании съехавшиеся в Киеве русские политические деятели, сколь ни осмеивали они в частных беседах опереточный двор Скоропадского с его украшенными «оселедцами» флигель-адъютантами, все же никаких выступлений против него не предпринимали, а наоборот, готовы были его всемерно поддержать, вполне сознавая, что при данных условиях падение гетманской власти (...) до свержения большевиков в Москве обратит весь Юг России в большевистский застенек. Настроение народных низов в Киеве было определено большевистское, и на базарах открыто велись разговоры на тему о распространении на Украину райских, по их представлению, условий народной жизни в Совдепии» [395].

Потеряв своего спонсора, проигравшую войну Германию, монархическая армия стала нежизнеспособной. В начале 1919-го остатки этой значительно поредевшей армии влились-таки в Добровольческую армию Деникина. 29 января 1919 года командующий Южной армией, генерал от артиллерии Н. И. Иванов умер от сыпного тифа [396].

В. И. Ленин

Германский генерал Людендорф

Император Николай II с семьей

Николай II и его брат, король Англии Георг V

Глава 11

Скоропадский перед скорым падением. Поражение Германии в Первой мировой войне. Парижская мирная конференция

В октябре 1918 года в Киеве узнали о телеграмме кайзера Вильгельма президенту Северо-Американских штатов, в которой он просил о посредничестве с Антантой в целях заключения мира. Все говорило о том, что война подходит к концу.

Французы ликовали. Они проиграли немцам 48 лет назад, но теперь, наконец, они выигрывали войну: «...Гальские петухи (...) заклевали толстых кованых немцев до полусмерти. (...) Немцы дрались отчаянно, вгоняли широкие штыки в оперенные груди. Грызли зубами, но не выдержали — и немцы! немцы! — попросили пощады» [397].

В Киеве в тот исторический вечер, когда пришло известие об окончании войны, германские солдаты во множестве высыпали на улицы и до поздней ночи шумно проявляли радость. Ослабла хваленая немецкая дисциплина, хотя и до этого германские войска начинали потихоньку «разлагаться», в их ряды постепенно проникала пропаганда «интернационала» и «мировой пролетарской революции».

В октябре 1918 года начала распадаться победенная Австро-Венгрия. 31 октября в Будапеште произошло вооруженное восстание. 1 ноября

Ноябрьская революция в Германии, 1918 г.

во Львове была провозглашена Западно-Украинская Народная Республика. 12 ноября австрийский император Карл I отрекся от престола.

3 ноября 1918 года в Германии произошла революция. 9 ноября была провозглашена республика.

«Весь мир, ошеломленный и потрясенный, узнал, что тот человек, имя которого и штопорные усы, как шестидюймовые гвозди, были

Революция в Венгрии, 1919 г.

известны всему миру и который был-то уж наверняка сплошь металлический, без малейших признаков дерева, он был повержен. Повержен в прах — он перестал быть императором» [398].

Кайзер Вильгельм (Вильгельм II Гогенцоллерн) — последний германский император и король Пруссии с 1888 года, после печальных для Германии событий уехал в Нидерланды и 28 ноября 1918 года отрекся от престола. Ему было 59 лет.

«Я сознательно принес в жертву себя и свой трон, думая таким образом лучше всего служить интересам своего возлюбленного отечества», — писал о себе кайзер, — ...некоторые считают, что я должен был бы покончить с собой. Но этого я не мог сделать, хотя бы в силу своих твердых христианских убеждений...» [399].

11 ноября появился приказ германского командования об эвакуации оккупационных войск с Украины.

13 ноября 1918 года РСФСР аннулировала «похабный», по выражению Ленина, Брестский мир. Германия выслала из Берлина советского посла Иоффе.

14 ноября 1918 г. В.К. Винниченко, находясь в городе Белая Церковь, объявил о появлении на свет Директории Украинской Народной Республики.

Немцы и австрийцы начали собираться домой. Последних к осени на Восточном фронте оставалось немного — всего 9 дивизий [400].

Перемирие в Первой мировой войне было подписано 11 ноября 1918 года в 5 часов утра в том же

Компьенском лесу, в том же вагоне маршала Фоша, где почти полвека назад французы расписывались в своем поражении в войне с Германией. Теперь французы радовались возможности отомстить за свой прошлый проигрыш. А для немцев слово «Компьен» прозвучало как гром среди ясного неба. Подписывал позорную для них бумагу не кайзер Вильгельм, а малоизвестный немецкий генерал Винтерфельд.

Киевляне, пытаясь осознать происходящее, не могли представить, что их ждет. Немецкая колония «Скоропадия» заканчивала свое существование. «Союзники» победили, казалось, это хорошо. Но что дальше? «Будущее Украины решалось на полях сражения во Франции» [401]. Для жителей Киева будущее было туманным.

В числе пунктов перемирия, подписанного во Франции, было требование отхода немцев и австрийцев к границам на 1 августа 1914 года. В то же время победители строго предписывали побежденным оставаться на захваченных землях, дожидаясь их прихода. Победители опасались, как бы оставшийся без надзора их недавний

Последний кайзер Германии Вильгельм II

военный союзник, а теперь разделенная, измученная войной страна Россия не вздумала самоорганизоваться.

Тем не менее, уже в ноябре 1918-го с Украины в Германию начали отбывать эшелоны. Не всеми железнодорожными ветками можно было беспрепятственно пользоваться, и возможности отправиться на родину немцы бурно радовались: «Это чудо, что до 12 декабря мы смогли отправить 126 поездов» [402].

Австрийцы, наплевав на дисциплину, бросились домой первыми: «беспорядочные толпы австрийских солдат, кто на поездах, кто пешком, продвигались на Запад, по пути продавая местному населению оружие и боеприпасы» [403]. Бегущие австрийцы бросали обозы и даже целые железнодорожные составы. Все брошенное мгновенно расхищалось бандами анархистов. Подчиняясь распоряжениям победителей, места сбежавших австрийцев вынуждены были занять немцы [404]. В Киеве немцы будут оставаться до конца января 1919 года.

Перед тем, как описать следующие события, 6-й по счету переворот, когда власть в Киеве захватит новообразованная Директория Украинской Народной Республики, вспомним, что во Франции 18 января 1919 года открылась Парижская мирная конференция держав-победительниц. Решения, на ней принимаемые, влияли на события во всей Европе, в том числе и в Киеве. Собравшимся в Версале предстояло делить четыре поверженные империи — Германскую, Австро-Венгерскую, Османскую и Российскую. Первые три государства были для Антанты противниками в войне, а Россия — союзником. Несмотря на это, Россия тоже отправлялась на раздел. От нее отрезали западные окраины, устраивая цепь лимитрофных государств.

Ликовали все бывшие «союзники» России — и союзники заокеанские, и Франция, и особенно Англия, — ведь повержены были четыре империи, существование которых всегда ее раздражало.

Тому, что у России все еще есть союзники, и особенно тому, что «Франция — наш союзник», многие русские и в 1919 году продолжали верить. Верили и киевские обыватели, верили и воины Белой армии. Русские в свое

время близко к сердцу приняли слова президента Франции Лубэ, который, прибыв в 1902 году с визитом к русскому царю, возложил золотую шпагу на гробницу императора Александра III с надписью по-латыни «Помню о союзе». Теперь, в 1919-м, в Версале, о союзе с Россией предпочитали не вспоминать. Постарались забыть, сколько русских отдали свои жизни за победу Франции. Ведь именно желание в начале войны прийти на помощь союзникам сподвигло Россию провести ускоренное наступление против отлично укрепленного района немцев в Восточной Пруссии. Тогда успех союзникам-французам обеспечила именно русская армия. У великого князя Александра Михайловича из души просто вырывался стон, когда он вспоминал о тех страшных потерях: «...первая и вторая армии вторглись в Восточную Пруссию, идя прямым путем в расставленную ей Гинденбургом ловушку. Вторая армия состояла частью из гвардейских полков, лучших русских частей, являвшихся в течение десятилетий главной опорой императорского строя и посланных теперь «спасти Париж». Под Сольду наша вторая армия была уничтожена, а ее командир генерал А. В. Самсонов пустил себе последнюю пулю в лоб, чтобы избежать позора плена. Париж был спасен гекатомбой русских тел, павших в Мазурских болотах. Мировое общественное мнение предпочло зарегистрировать эту битву в качестве победы Жоффра на Марне!» [405].

Вот и наивные киевские граждане все продолжали верить, что у России есть «союзники». После известия о проигрыше Германии по всему Киеву они стали развешивать союзные флаги. Или не знали, или забыли киевляне слова Государя нашего, Александра III, что у России есть только два союзника — армия и флот.

Версальская конференция начала работу в том же зале дворца, в котором 48 лет назад было провозглашено создание Германской империи, а Франция признала свое поражение во Франко-Прусской войне 1870–1871 гг. Председателем конференции был премьер-министр и военный министр Франции Жорж Клемансо. Скоро выяснилось, что конференция, хотя и «мирная», но борьба за передел мира будет ожесточенной. Присутствовали победители, а также множество

отделившихся от исчезнувших империй образований, претендующих на государственную самостоятельность. Но не было России. Было оговорено, что «условия представительства России будут установлены конференцией, когда будут рассмотрены дела, касающиеся России» [406].

Несмотря на мечты и планы «самостийников», Украину как отдельный субъект не пригласили. Но украинская делегация скоро явится в Париж без приглашения.

21 января 1919 года на очередном заседании обсуждался «русский вопрос». Итальянский премьер Орландо впервые произнес слова «санитарный кордон» и предложил собравшимся провести «крестовый поход» против России.

Романовы, бывшая императрица Мария Федоровна, ее дочери с мужьями, другие родственники и приближенные, в то время оставались в Крыму. Великий князь Александр Михайлович принял решение поехать в Париж на конференцию, желая на ней выступить. Немцы из Крыма уходили, их место у берегов Тавриды занимал Британский военный флот под командованием адмирала Кельторпа. Вел. кн. Александр Михайлович, испросив согласие британского адмирала, отбыл на корабле Его Величества короля Великобритании «Форсайт» из Крыма, оставив на полуострове своих родных.

(Последние Романовы покинут Крым 11 апреля 1919 года. Из порта Дюльбер отплывет английский крейсер «Мальборо», который придет, наконец, за своей тетей король Великобритании Георг V. Уедут императрица Мария Федоровна, ее дочь Ксения, другие родственники и приближенные, но ее Бэби, ее любимая младшая дочь Ольга, откажется эмигрировать. С мужем Николаем Александровичем Куликовским и маленьким сыном Тихоном они направятся сначала в Новороссийск, затем с большим риском для жизни придут в Ростов, занятый Белой армией. В то время из всей царской семьи на территории России оставалась лишь одна вел. кн. Ольга Александровна, царская дочь и сестра убитого царя. Несмотря на то, что она была замужем за простым смертным, разными людьми неоднократно высказывались мысли о провозглашении ее императрицей. Но одновременно было много и других людей, желавших с ней расправиться. В Ростове,

куда прибудет семья, к разочарованию вел. кн. Ольги Александровны, они с мужем будут приняты холодно. Деникин откажется с ней встретиться, придет ординарец, который уведомит семью с маленьким ребенком, что в Ростове они не нужны. Тогда великая княгиня с мужем и сыном направятся на Кубань, в станицу Новомилинскую, где их приютит родня камер-казака императрицы Марии Федоровны — Тимофея Ксенофонтовича Ящика. Здесь у вел. кн. Ольги Александровны родится второй сын — Гурий. (Это имя она даст сыну в память героически погибшего офицера Ахтырского полка Гурия Панаева. Он и двое его родных братьев, Борис и Лев, служивших в том же полку, героически пали в 1914-м.) Когда холодной ноябрьской ночью 1919 года к хате, где жила семья, подскочат четыре казака из соседнего гарнизона с известием, что к станице подступают части Красной армии, семье с двумя маленькими детьми опять придется бежать. Следующие два холодных зимних месяца семье, охраняемой четырьмя верными казаками, придется скитаться, ночуя иногда в заброшенных амбарах. Младенцы выживут чудом. Когда семья доберется до Новороссийска, где бушевал тиф, дети будут похожи на скелеты. Наконец, из Новороссийска вел. кн. Ольга Александровна с мужем и детьми уедут к матери в Данию.)

Итак, вел. кн. Александр Михайлович первым из семьи покидал Россию, направляясь на конференцию в Париж. Отплывая из Крыма, он смотрел на севастопольский рейд, пестревший американскими, французскими, итальянскими и английскими флагами. «Я напрасно искал среди этой массы флагов русский флаг или же русское военное судно», — писал он [407]. Он покидал Родину, но надеялся послужить ей в Париже. На борту корабля он трудился над докладом, который намеревался сделать в Версале. К тому времени мало кто из Романовых мог выступить на конференции. И царь, и его брат, вел. кн. Михаил Александрович, летом 1918-го были убиты большевиками; родные братья вел. кн. Александра Михайловича, великие князья Николай Михайлович и Георгий Михайлович, были арестованы и встретили смерть в Петропавловской крепости как раз в то время, когда в Париже шла мирная конференция, — в январе 1919 года;

третий родной брат, великий князь Сергей Михайлович, был убит 18 июля 1918 года «вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной, тремя юными сыновьями великого князя Константина Константиновича и князем Палеем (...) Все шестеро были живыми сброшены в угольную шахту вблизи Алапаевска в Сибири» [408]. Великий князь Павел Александрович и великий князь Дмитрий Константинович (двоюродные братья вел. кн. Александра Михайловича) также были арестованы и расстреляны 18 января 1919 года в Петропавловской крепости, в один день с двумя его родными братьями. Так что мало кто из Романовых мог бы выступить на конференции (О. А. Куликовская-Романова, жена сына великой княгини Ольги Александровны Тихона, подсчитала и написала в своей работе, что всего большевиками были убиты 17 членов семьи Романовых) [409]. Великий князь Александр Михайлович, направляясь в Париж, надеялся, что его выступление как Романова и как участника войны, курировавшего авиацию и внесшего немалый вклад в победу Антанты, будет иметь вес. В январе 1919 года Александр Михайлович еще не знал, потерял ли он всех до единого своих братьев и кузенов. «С предыдущей весны я не получал вестей о своих братьях Николае и Георгии, томившихся в петербургском застенке, и еще надеялся, что мой младший брат Сергей избежал в Сибири гибели» [410]. Но ни одного из родных и двоюродных братьев ему не суждено будет увидеть. Однако, к своему удивлению, Александр Михайлович встретил в Париже молодого красавца в форме британского офицера, в котором узнал великого князя Дмитрия Павловича, сына своего двоюродного брата, великого князя Павла Александровича, ожидавшего в те дни своего конца в Петропавловской крепости. Дмитрий был сослан царем в Персию, на персидский фронт, в распоряжение генерала Баратова за участие в убийстве Распутина (что, как оказалось, спасло ему жизнь) и там вступил в Британскую армию, действовавшую в Месопотамии. Но на конференции Дмитрий выступать не собирался.

Вел. кн. Александр Михайлович был уверен, что в Версале его выслушают, он был лично знаком со многими высокопоставленными

военными чиновниками союзных армий. Но, увы! Выступить ему не удалось. Как он потом говорил, «было непосильной задачей говорить о прошлом с людьми, признававшими только настоящее».

В Киеве к этому времени произошел 6-й переворот, там уже царствовал Петлюра (с 14 декабря 1918 и до конца января 1919 г.), затем 7-й переворот (6 февраля 1919 г. город заняли «вторые красные»), а во Франции все продолжалась конференция, и мысленный взор киевских граждан все еще с надеждой был обращен в сторону «союзников». Киевляне наивно рассчитывали на их помощь в восстановлении государства и возвращении порядка.

Но «союзники» быстро забыли, что Россия воевала бок о бок с ними против трех империй. Их помощь Белым армиям можно было назвать «формальной». Белыми армиями они пользовались лишь как инструментом для дальнейшего ослабления России. А у белых еще были силы: всего через несколько месяцев, летом 1919 года, мир будет наблюдать головокружительные успехи Вооруженных сил Юга России, выполнявших «Московскую директиву», в том числе и приход Белой армии в Киев. Но наши бывшие «союзники» вовсе не желали победы белым в гражданской войне, так же как не желали они победы и красным. Как немцев, так и «союзников» устраивало лишь одно — чтобы русские били друг друга как можно дольше. Их задачей было добиться, чтобы Россия обессилила окончательно, а затем «разделить медведя».

Впрочем, некоторые вообще не собирались ждать благоволения победителей, заседавших в Версале: «...румыны оккупировали русскую Бессарабию задолго до соответствующего решения Мирной конференции» [411]. Подобно румынам, не дожидаясь решений победителей по их, польскому, вопросу и видя слабость России, поляки начали вооруженную борьбу за свои «исторические границы». 13 февраля 1919 года они нанесли удар у белорусского местечка Береза-Картузская, все больше разгоралась Советско-польская война. До Киева поляки доберутся в мае 1920-го, их приход о знаменует 13-й киевский переворот.

Итак, великого князя Александра

Михайловича ожидало разочарование: Ж. Клемансо, через секретаря, на просьбу встретиться ответил вежливым отказом.

Неожиданно в Версале в кулуарах объявилась украинская делегация. Она привезла с собой и представила некую «мапу», то есть «Карту Украины» со всеми обозначениями на французском языке («La Republique Ukrainienne»). Карта включала, помимо «утвержденной большевиками» Новороссии, еще и Брест, и Кубань, и бывшие австрийские Львов и Черновцы, а также восточное побережье Черного моря, включая Гагры (территории, на которые претендовала Грузия).

Ж. Клемансо принял украинскую делегацию во главе с Г. М. Сидоренко (министром почт и телеграфа УНР), секретарем И. Борщакком, первым министром иностранных дел УНР А. Я. Шульгиным [412] (племянником В. В. Шульгина, но не единомышленником), С. П. Шелухиным, советником по политическим вопросам М. А. Кушниром. Член украинской делегации М. П. Туган-Барановский, советник по экономическим вопросам, скончался по дороге в Париж от грудной жабы. Еврейское население Украины представлял член украинской делегации А. Д. Марголин.

Однако в то время французы не очень-то хотели прислушиваться к просьбам и предложениям представителей УНР, государства, восстановленного в марте 1918-го их врагами — немцами. Французы еще не забыли, как в декабре 1917-го их представители приезжали в Киев, заявляя о намерении признать Украину и надеясь побудить украинцев к продолжению войны на русском Юго-Западном фронте, что могло бы в тот момент облегчить положение Франции. Французы отлично помнили, что тогда они были жестоко обмануты украинцами: ведь вскоре украинцы подписали с немцами и австрийцами, врагами французов, договор в Брест-Литовске, благодаря чему немцы смогли перебросить значительные силы со своего Восточного фронта на Западный, что ухудшило положение французов. Французы все это не забыли и весьма прохладно приняли в Версале украинскую делегацию. Теперь французы делали ставку не на украинцев, а на поляков.

До поездки в Париж украинская делегация

успела побывать в Одессе, где у нее состоялись переговоры с французскими генералами Ансельмом и Бергто. (Киев в это время, в начале февраля 1919-го, был уже в руках «вторых красных».) На переговорах в Одессе требования французского командования заключались в передаче под его контроль всей железнодорожной сети петлюровской Украины, а также передаче управления ее финансами [413]. Французы потребовали вывести из состава Директории В. Винниченко и В. Чеховского как «полубольшевиков». Не стесняясь, они указывали украинцам, каких министров необходимо «chaser comme les chiens» (выгнать как собак), а каких ввести в состав правительства. В результате 6 февраля 1919 г. Винниченко и Чеховской подали в отставку, 10 февраля Винниченко был выведен из состава Директории и вскоре отбыл за границу [414]. Французы обещали признать Директорию как фактическое правительство Украины («впредь до решения Версальской конференции»), поставить ей военную помощь (вплоть до танков и военных инструкторов). Но все обещания французов померкли, когда они приступили к срочной эвакуации из Одессы. (К этому их подталкивали, по воспоминаниям вел. кн. Александра Михайловича, и всякие курьезы: однажды к французским морякам явились коммунистки-француженки, распропагандировали матросов, после чего те подняли на своих судах красные флаги. Напуганное французское руководство от греха подальше поспешило отправить корабли на родину.)

Итак, в Версале французы заняли непримиримую позицию по отношению к украинской делегации. Победители желали сами, по своему разумению, без всяких советов со стороны, проводить линии границ на картах побежденных империй. Украинская делегация добилась аудиенции у Клемансо по вопросу захвата польской армией Жозефа Галлера (Jozef Haller) земель Галиции. Но Клемансо, отец французской идеи о «Великой Польше», ничем украинцев не порадовал. («Великая Польша» задумывалась французами как результат присоединения к ней германских, белорусских, литовских и украинских земель, а Украина рисовалась в воображении авторов проекта лишь в границах «до Днепра», левая же часть Приднепровья предназначалась

для успокоения притязаний Великороссии.) [415] Вопрос о землях Восточной Галиции, судьбу Львова победители однозначно решили в пользу Польши. Французы помогли Польше создать армию Галлера, вооружили ее своим и трофейным немецким оружием, прислали офицеров-инструкторов, даже генералов. При такой поддержке поляки смогли отлично укрепиться в Галиции. Позже В. Винниченко это прокомментировал так:

«Польша объяснила, что для своей тяжелой роли антантовского пса должна иметь как можно больше сил. Без Галичины же, без Бориславской нефти, без земель, заграбленных у крестьянских семейств, какая же могла быть у нее сила? И Антанта добродушно похлопала ловкого хама по плечу и сказала: «Что ж с тобой делать? Занимай покамест Галицию по Збруч и исправно выполняй свои жандармские обязанности, а там посмотрим, кому достанется этот клочок — тебе или кому другому» [416].

Член украинской делегации Арнольд Марголин предложил пригласить в Версаль представителей «всех угнетенных национальностей» бывшей Российской империи. Но у хозяев это не нашло поддержки, и тогда он:

«...переключился на судьбу евреев, но и тут обнаружил, что она никого не трогает. В 1919 году все еще хорошо помнили, что еврейское население Польши и Украины было на стороне немцев, а евреи Германии взяли на себя роль посредников между германским Верховным главнокомандованием и большевиками» [417].

Добиться желаемого не получалось. И. Борщак из Парижа докладывал главе Директории: «...никто не дает положительного ответа. Никто не обещает признать нашу независимость» [418].

А. Марголин обратился к победителям с просьбой осудить еврейские погромы на Украине. И в этом ему отказали. Французы считали слишком не деликатным прислушаться к просьбам Марголина, заявляя, что «не хотят вмешиваться во внутренние дела Украины». Сам Клемансо отнесся к просьбе Марголина весьма прохладно, отказавшись выпустить соответствующую декларацию [419].

Впрочем, французы нелюбезно встречали не только украинцев, но и русских политических

деятелей, запятнавших себя сотрудничеством с немцами. Например, они уже давно обвиняли в связях с немцами П. Н. Милюкова. Когда тот 19 декабря 1918 года явился в Париж, Жорж Клемансо даже накричал на своего министра иностранных дел Стефана Пишона за то, что было нарушено распоряжение не пускать Милюкова во Францию. Милюкову пришлось срочно перебраться в Лондон.

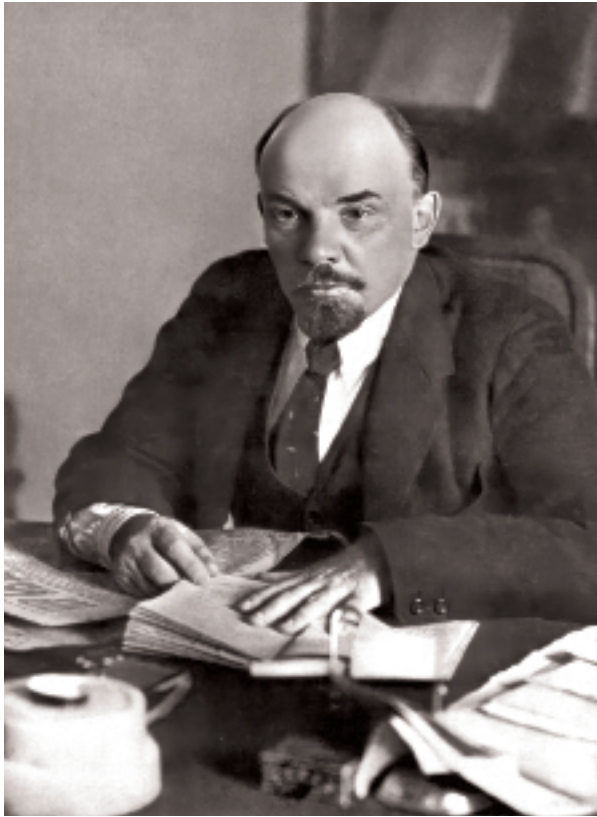
Пока во Франции шла конференция, Белые армии ждали помощи от «союзников» в вооружении и снабжении. Инспектировать эти армии ездили многочисленные военные эксперты. Возвратившись в Париж, они докладывали Клемансо и Ллойд Джорджу, что русские армии боеспособны и успех зависит лишь от того, будут ли они хорошо снабжаться. Однако то, что русские бьют друг друга, «союзников» вполне устраивало. Для них открывалась перспектива окончательного крушения России, после чего можно было ее поделить и пожить ее богатствами.

Тем не менее, даже не имея достаточной помощи от «союзников», Добровольческая армия все лето 1919 г. наступала, поражая своими успехами. В конце августа 1919-го она войдет в Киев [420].

Оставаясь в Версале, великий князь Александр Михайлович не переставал поражаться странностям в поведении бывших «союзников». Они переставали скрывать, что преследуют только свои интересы:

«Весной 1919 года, — писал вел. кн. Александр Михайлович, — последовал целый ряд авантур наших бывших союзников, которые способствовали тому, что большевики были возведены на пьедестал борцов за независимость России». Великий князь наблюдал, как политика «союзников» заставляла русских солдат и офицеров симпатизировать Ленину и Троцкому, который «...в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи» [421]. И действительно, как было не согласиться с Троцким, который заявлял: «...по-видимому, «союзники» собираются превратить Россию в Британскую колонию».

«...разве на этот раз он был неправ?» — восклицал Александр Михайлович. — «...все-го же целых 9 независимых государств было организовано союзниками весной 1919 года

В. И. Ленин

Германский генерал Людендорф

на территории России, да еще румыны оккупировали русскую Бессарабию задолго до соответствующего решения Мирной конференции. Русские были поражены...» [422].

Император Николай II с семьей

Николай II и его брат, король Англии Георг V

